

УДК 340.153+340.12

ББК 67 (2Рос=Калм)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ В КАЛМЫКИИ В XIX в.*

The Administration of Justice in Kalmykia in the 19th century

Е. А. Команджаев (E. Komandzhaev)¹

¹ кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at Kalmyk State University). E-mail: tgp_kalmsu@mail.ru; E-mail: komandzhaev@mail.ru.

На основе архивных источников, данных из научной литературы и российских нормативно-правовых актов в статье изучается процесс развития суда Зарго и осуществления судопроизводства в Калмыкии в XIX в. В статье представлено постепенное вовлечение калмыцкого народа в сферу действия российского законодательства. С принятием Положений об Управлении калмыцким народом 1834 и 1847 гг. были установлены российские основы судопроизводства у калмыков с небольшим сохранением местных норм права. В XIX в. калмыки были интегрированы в общероссийскую систему правосудия.

Ключевые слова: калмыки, осуществление правосудия, суд Зарго, процессуальные нормы, судопроизводство.

This article based on literary sources and Russian regulatory acts researches the process of a Zargo court development and judicial proceedings in Kalmykia in the XIX century. The article shows the step by step integration of the Kalmyks into Russian legislation system.

In the XVII–XVIII centuries the highest judicial authority was represented by khan. Judicial authority was as well given to feudal aristocracy such as noyons and zaysangs. Zargo court, a Kalmyk court was an important judicial and administrative institute. Zargo was an advisory unit under Kalmyk khan and did administrative management and jurisdiction on the most important affairs. Judicial procedure in the XVII–XVIII centuries was based on mongol-oyrats' laws of the 1640s and additional decrees of Kalmyk khan Donduk-Dashi.

After the biggest part of the Kalmyk population left Russia, Russian government made arrangements in establishing management for the Kalmyks remained including the organization of the judicial procedure and functioning of the Zargo court. Rules for Kalmyk nation management dated by the year of 1825 determined that the Zargo court should deal with the civil cases up to 400 rubles, and ulus courts should deal with the cases up to 200 rubles. Criminal cases were considered by Russian authorities. After the Regulations of Kalmyk Nation Management of the years 1834 and 1847 were passed, Russian judicial fundamentals were established. According to the Regulation of the year 1834, the Zargo court became the Kalmyks' highest judicial authority. In Zargo court one could appeal against judgments and decisions of ulus courts. The decisions of the Zargo court could be appealed against only in Senate. Criminal cases verdicts were to be confirmed by Astrakhan military governor who sent them for an execution.

The Zargo court was disestablished after the issue of the Regulations of the year 1847. There remained only ulus Zargo courts where the civil cases up to 30 rubles and small crimes were considered. At the same time, civil cases of Kalmyks were considered according to Mongol-Oyrats' (Kalmyk) rules and habits. Criminal cases needed to be considered according to Russian laws. So here how it comes that Kalmyks were integrated into Russian judicial system in the XIX century.

Keywords: Kalmyks, the administration of justice, the Zargo court, rules of procedure, legal procedure.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблема интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта № 2641).

Имеющаяся научная литература, в основном дореволюционных исследователей, и законодательные источники (Монголо-ойратские законы 1640 г., законы калмыцкого хана Дондук-Даши) дают весьма скудные сведения о традиционном процессуальном праве калмыков и осуществлении правосудия в XVII–XVIII вв. Законодатель того времени не разделял гражданский и уголовный процесс, хотя большинство норм относится к уголовно-процессуальному праву. Более детально процессуальное право для калмыков получило развитие в российском законодательстве в конце XVIII–XIX вв.

В XVII–XVIII вв. носителями судебной власти были калмыцкие ханы, а также нойоны и зайсанги. Учитывая, что калмыцкое общество XVIII в. было феодальным, можно с уверенностью предположить, что высшую судебную инстанцию в Калмыцком ханстве представлял хан (наместник ханства). Упоминания многих авторов свидетельствуют о том, что хан утверждал решения суда Зарго по спорным или особо важным делам. Очевидно, что высшей судебной властью обладали нойоны-владельцы в собственных улусах. Подтверждением тому служат описания русских исследователей. Так, Ф. Бюлер пишет: «Произвол и самоуправство владельцев шли издавна и обратились в обычай ... суд и расправу производили под влиянием обстоятельств, личных выгод, наказания налагали свирепые...» [Бюлер 1841: 89] После ликвидации ханства указом Екатерины II каждый владелец должен был управлять своими людьми и судить их по «древним калмыцким правилам и обыкновениям». Только спорные дела должен был разрешать астраханский губернатор.

Важным административно-судебным органом был калмыцкий суд Зарго. Его роль и значение в осуществлении судопроизводства изменялись, пока в XIX в. совсем не снизились.

Зарго занимал важное место в управлении Калмыцким ханством, являясь совещательным органом при хане. Кроме того, Зарго производил разбирательства по наиболее важным уголовным и гражданским делам [Бакунин 1995: 146] Н. В. Баснин писал: «Глава калмыцкого народа имел для управления калмыками совет, называвшийся Зарго и состоявший из восьми членов из подвластных ему зайсангов и духовных лиц. Зарго (по калмыцкому суд) имеет значение правительственного совета в том числе, что

хан совещался со своими советниками (заргачами) по делам внутреннего заведования калмыцкой ордой по предмету сношений с правительством России. Зарго руководился духовными законами и обычаями. Зарго производил словесный разбор тяжб и неудовольствий, возникавших в народе, причем большая часть дел оканчивалась присягою. Но ханы самовластно поступали в утверждении решений Зарго» [Баснин 1846: 4]. В научной литературе о судебных полномочиях Зарго содержится не столь много сведений. В. М. Бакунин сообщает о входящих в Зарго тусулукчи и заргучи, то есть советников и судей, а также писцах и приставах [Бакунин 1995: 146].

В соответствии с Монголо-ойратскими законами 1640 г., по уголовным и гражданским делам применялся состязательный процесс, в котором стороны были равноправны и сами должны были осуществлять все процессуальные действия. Судебные заседания проводились гласно. Потерпевшие и истцы сами должны были представлять доказательства обвинения или обоснованность исковых требований. Обвиняемые и ответчики имели право активной защиты посредством представления доказательств своей невиновности.

В Монголо-ойратских законах 1640 г. и указах Галдана Хун-тайджи определялось, что кочевник должен сам искать угнанный скот, а кредитор должен самостоятельно взыскивать долги. В системе доказательств важнейшее место занимали показания свидетелей. В уголовном судопроизводстве калмыков не применялись пытки. Допускалось принесение присяги, то есть религиозно-культового обряда клятвы в невиновности. Источники свидетельствуют о том, что принесение присяги назначалось в тех случаях, когда рассмотренные доказательства не давали веских оснований ни для обвинения, ни для оправдания. В некоторых случаях имели доказательственное значение внешние признаки (побои) и вещественные доказательства (кости украденных животных, разорванные вещи, похищенное имущество, найденное у вора).

Деятельность суда Зарго долгое время не изменялась. Только с усилением абсолютизма в России и попытками оказывать влияние и регулировать события в Калмыцком ханстве правительство России пошло на реформу Зарго.

В 1762 г. правительство утвердило Убаши наместником ханства. В. М. Бакунин, автор доклада для Екатерины II о мерах, которые способствовали бы ограничению власти наместника и подчинению его распоряжениям российского правительства, предлагал реорганизовать Зарго, что и было сделано.

Функции и количество судей в Зарго были оставлены без изменений. Был изменен порядок выбора судей — заргучеев. Если ранее ими являлись представители зайсангов и духовенства из числа наиболее приближенных к хану и обязательно из лично принадлежавших ему улусов, то теперь предполагалось назначать членов Зарго от всех крупных улусов, пропорционально численности их населения. Их назначение утверждалось российскими властями. Назначенные судьи должны были решать все дела большинством голосов, поставив в известность наместника ханства.

Таким образом, Зарго становится не ханским, а народным учреждением, ослабившим в значительной мере силу ханской и владельческой власти. Справедливо суждение профессора А. М. Позднеева о том, что демократизация Зарго была настоятельно необходима, так как ханская и владельческая власть, тяготевшая над народом, была одной из главных причин непрекращавшихся волнений в Калмыцкой степи [Цит. по: Пальмов 1992: 85].

После ухода большей части калмыцкого народа из пределов России в 1771 г. российское правительство предприняло ряд мер по организации управления оставшимися калмыками. Изменения коснулись и суда Зарго. Компетенция Зарго была значительно сужена, даже по сравнению с Положением о Зарго 1762 г. Теперь Зарго состоял из трех членов и являлся совещательным органом, решения которого были консультативными для астраханского губернатора. В связи с новыми правилами о Зарго в указе Екатерины II была намечена программа не только норм судопроизводства, но и дальнейшая правительственная программа действий по отношению к калмыцкому населению. В ответ на предложение губернатора опираться в судебной практике с калмыками на законы 1640 г. было указано, что применение этого «весьма старого собрания законов» не будет соответствовать современному состоянию калмыцкого общества. К тому же серьезные уголовные дела возникают в

основном не между собственно калмыками, а между ними и соседним населением, поэтому подобные дела должны решаться на основании общероссийских законов [Батмаев 1993: 368].

Для разбора дел между калмыками на основании Монголо-ойратских законов 1640 г. и дополнений хана Дондук-Даши в помощь губернатору определялись члены Зарго, к мнению которых он мог прислушиваться. Таким образом, после ликвидации калмыцкого ханства в 1771 г. роль Зарго значительно снизилась.

Новую жизнь Зарго приобрел в 1800 г., когда указом Павла I этот орган был восстановлен в прежнем составе из восьми членов. Членам Зарго было предоставлено право решать дела «по правилам и на основании их духовного закона и обыкновения». Однако той власти, что имел суд во времена Калмыцкого ханства, сейчас он не получил. Функции Зарго были строго ограничены. Об этом сообщает Н. Я. Бичурин: «Сей суд зависел непосредственно от Иностранной коллегии, в которую обязан был относиться по делам, превышающим данную оному власть» [Бичурин 1991: 124].

Российские дореволюционные исследователи отмечали, что суд Зарго осуществлял свои функции весьма неэффективно, так как кочевал по степи, а зимой практически приостанавливал свою деятельность. В связи с этим истцы по гражданским делам не могли взыскать причитающиеся им долги, а уголовные дела и вовсе не рассматривались, что приводило к уклонению от наказания. Кроме того, указывалось на отсутствие делопроизводства, произвол судей, безнаказанность лиц, совершивших правонарушения и преступления [Пальмов 1992: 125–126].

В 1803 г. скончался наместник Калмыцкого ханства Чучей Тундутов, и правительство России окончательно ликвидировало ханскую власть в Калмыкии. Зарго, однако, был сохранен и подчинен астраханскому военному губернатору.

В 1806 г. российскими властями было предписано в случаях пробелов в калмыцком законодательстве руководствоваться российскими законами. С 1818 г. в суде Зарго стали рассматриваться одни гражданские дела по искам не свыше 25 рублей, а в 1821 г. по указанию управлявшего Кавказским краем А. П. Ермолова и по основанному на нем распоряжению астраханского губернатора

к компетенции Зарго были отнесены только дела по искам не свыше 5 рублей. Все более крупные гражданские дела, не говоря уже об уголовных, стали решаться в уездных и губернских судах по российским законам [Бичурин 1991: 117].

10 марта 1825 г. были изданы «Правила для Управления калмыцкого народа», касающиеся административного устройства и управления калмыков. Согласно правилам, разбору суда Зарго подлежат жалобы на решения улусных судов, а также спорные дела, не превышающие суммы 400 рублей. Улусные суды (улусные зарго) имели право рассматривать различные споры между калмыками, а также иски, не превышающие 200 рублей [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40]. Зарго принимал окончательное решение по искам на сумму до 400 руб., а также по преступлениям, не являющимся тяжкими (кражи скота и иного имущества, самовольный уход от владельцев). Иски на сумму более 400 руб. могли быть обжалованы в Комиссию калмыцких дел. Все остальные уголовные дела рассматривались в российских присутственных местах.

Духовные лица в Зарго должны были рассматривать семейно-брачные и религиозные дела; к решению гражданских дел они привлекались только в случаях, если из-за недостаточности доказательств требовалась присяга или если представители духовенства сами будут причастны к гражданскому делу [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40].

Таким образом, необходимо отметить, что калмыки вовлекались в орбиту действий общероссийских судебных учреждений. Правила 1825 г. начали этот процесс, усилили роль представителей правительства в Управлении калмыцким народом, которое на две трети было составлено из российских чиновников, и уточнили административные функции калмыцких владельцев и улусного управления.

Наряду с действовавшим калмыцким законодательством Правила 1825 г. заложили основы новой правовой системы, вводя гражданское право, процессуальное право, установив систему судебных органов.

В параграфах 57 и 58 этих Правил говорилось, что «все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому уложению, обычаям и обрядам». Поэтому решено было эти законы, обычаи и обряды рассмотреть, утвердить, напечатать и привести во «всеобщую

известность» [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40. № 30290: 159].

Согласно Положению об Управлении калмыцким народом 1834 г., в состав суда Зарго входили председатель, два советника, назначавшиеся Министерством юстиции из российских чиновников, два ассессора, избираемые от нойонов сроком на три года. В штате Зарго предусматривалось 17 единиц.

Зарго был высшей судебной инстанцией для калмыков по гражданским, семейным и уголовным делам. В Зарго обжаловали приговоры и решения улусных судов. Решения Зарго могли быть обжалованы только в Сенате. Приговоры по уголовным делам должны были утверждаться астраханским военным губернатором, который направлял их на исполнение.

По высочайше утвержденному 24 ноября 1834 г. новому калмыцкому положению, введенному в действие с 1836 г., уголовные дела должны были рассматриваться по российским законам, большую же часть имущественных споров Зарго решал на основании «древних калмыцких постановлений». Судопроизводство производилось на русском языке, при необходимости решения суда переводились на калмыцкий язык. К калмыкам применялись общероссийские меры наказания, в том числе и высылки по приговорам суда и административным порядком, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы [ПСЗРИ. Т. 10. № 7560: 19, 26–27].

Улусные суды (зарго) рассматривали дела по предписаниям Совета калмыцкого управления, суда Зарго, главного попечителя и по просьбе частных лиц. Мелкие споры между калмыками одного улуса рассматривал сам нойон-владелец по калмыцким законам. Улусные суды рассматривали мелкие уголовные дела (кражи до 20 руб.) и гражданские дела, а также семейные споры между калмыками разных улусов или между калмыками и людьми других национальностей. Уголовные дела рассматривались на основании российских законов.

С изданием Положения 1847 г. общекалмыцкий Зарго был ликвидирован, остались лишь улусные суды. Улусные зарго состояли из председателя (владельца или правителя улуса), двух членов суда, двух заседателей, избираемых на три года улусным сходом из владельцев или простолюдинов. В улусных судах разрешались гражданские иски на сумму до 30 руб., а также мелкие

уголовные дела. Споры между калмыками по-прежнему решались по традиционным калмыцким законам. Решения улусного суда обжаловались в астраханской палате уголовного и гражданского суда.

Кроме того, по архивным данным можно сделать вывод, что улусные зарго решали другие гражданские дела, возникавшие в калмыцкой степи. Например, Икицохуровский улусный зарго, рассмотрев дело о смерти зайсанга Икицохуровского улуса Сатхалова рода Менко-Цаган Секова от 2 августа 1892 г., определил: сына умершего зайсанга Малу Менкаева признать в наследственных правах на оставшийся после смерти отца его аймак [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 183, л. 1, 3, 7, 12.] Кроме того, в улусных судах решались вопросы установления опеки над малолетними детьми.

Несмотря на все усилия российского правительства систематизировать судопроизводство у калмыков, в разбирательствах в улусных зарго сохранялись злоупотребления и беззакония вплоть до начала XX в.

Так, в письме Управления калмыцким народом Багацохуровскому улусному зарго от 31 января 1906 г. по поводу приговора по делу о побоях Кекеева Яванову говорилось: «Не касаясь существа приговора, Управление калмыцким народом считает нужным сообщить зарго, что как содержание дела, так и внешний его вид поражают невнимательностью и неряшливостью. В сем отношении достаточно указать на то, что суд не выяснил, в чем обвиняется Кекеев, какими статьями закона предусмотрено совершенное им преступление и подсудно ли оно Зарго» [НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 121, л. 6.].

Таким образом, можно констатировать, что осуществление правосудия в Калмыкии в XIX в. производилось в основном улусными судами зарго. При этом дела разрешались с учетом калмыцких законов и обычаев, применение которых все больше ограничивалось на протяжении всего указанного периода. Калмыцкий народ все активнее втягивался в орбиту общероссийского законодательства.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1995. 153 с.
Баснин Н. В. О древнем калмыцком уложении (Очерк старинного судопроизводства у калмыков): (Чит. Н. В. Басниным в годич. заседании Моск. юрид. общ-ва 17 февраля 1876 г.) /

Н. В. Баснин. М.: Унив. тип. 1876. 8 с.
Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2-х кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834; 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1991. 275 с.
Бюлер Ф. А. Исследования о судопроизводстве у калмыков // Отечественные записки. 1841. Т. 9–11.
Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е издание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 158 с.

Sources

[The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)
[The National Archive of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

Bakunin V. M. [Description of the Kalmyk People, and especially the Torgouts, and the Actions of their Khans and Owners. Composition of 1761]. Elista: Kalm. Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
Basnin N. V. [On the Ancient Kalmyk Culture (Essay of Ancient Kalmyk Court Proceedings). Read by N. V. Basnin at the annual meeting of

Moscow Lawyer Society. 17 February, 1876]. Moscow: Univ. Print. shop, 1876. 8 p. (In Russ.)
Batmaev M. M. [Kalmyks in the XVII–XVIII Cent. Events, People, Life]. In 2 books. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
Bichurin N. Ya. [Historical Review of Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present]. St. Petersburg, 1834. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 275 p. (In Russ.)
Bühler F. A. [Research on Legal Proceedings among Kalmyks]. *Domestic Bulletin*. 1841. Vol. 9–11. (In Russ.)
Palmov N. N. [Essay of History of Kalmyk People during their Stay within Russia]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1992. 158 p. (In Russ.)